Дочь Генерала. Книга 1

Автор:
Марина Кистяева

Дочь Генерала. Книга 1

Марина Анатольевна Кистяева

Сильные мира сего…

Кто они?

Те, кто всегда в тени. Кто обладает властью, но чьи лица никому не известны?

Григорий – один из них.

И он влюбился. Впервые в жизни. Как мальчишка…

Всё шло идеально, пока на ЕГО девочку не обратил внимание Генерал Коваль.

Первая книга дилогии.

Марина Кистяева

Дочь Генерала. Книга 1

Глава 1

– Как метет-то, Григорий Максимович! Как метет… Ни черта не вижу.

– Сбавь скорость. Нам спешить некуда.

– Сделано. Ух, нееее… Не везет тому, кто сейчас на улице.

Григорий усмехнулся и оторвался от бумаг.

Да, мело знатно.

– Антон, о чем ты? Мы в глуши. Почти в непроходимой. Рули давай, философ.

– Рулю, Григорий Максимович. Да я только представил. Мало того, что на улице за двадцать пять минус, так ещё и пурга. Давно такой метели не было.

– А ты из старожил что ли?

Сегодня, как ни странно, болтовня Антона его не раздражала. Молодой мужчина чувствовал настроение хозяина и развлекал себя и его заодно. Григорий дотронулся до глаз, потер их. Хватит работать. Он вроде бы как решил себе отпуск устроить, на целых десять дней валит подальше от цивилизации, причем в такую глухомань, куда до него просто так не добрались бы. Добраться, конечно, можно до всюду. Было бы желание. Но чем больше создашь препятствий, тем лучше.

Гриша хотел уединения.

Пошли все к черту.

Вот все. И именно туда.

Он пахал последние три года, как проклятый.

Заслужил десять дней тишины.

Ничего не развалится без него. А если развалится, полетят головы. И это не фигуральное выражение для красивого словца.

Коттедж в этой местности он присмотрел уже давно. Его строил знакомый, который вдруг резко передумал жить среди лесов и волков, как он говорил. Прикупил дом на берегу океана, где пальмы и полуголые красотки. А коттедж перепродал Григорию. Хотел подарить, но Седой категорически отказался. Ни к чему ему такие подарки.

Коттедж был небольшим. Двухэтажным, квадратов четыреста, что вполне устраивало Григория. Бассейн. Подземный гараж. Охотничий домик. Рядом озеро. Парни всё лето доделывали его. Ограждали, устанавливали спутниковую систему, подключенную к системе безопасности. Нашпиговывали прочими хитростями, без которых ему никак. Осенью Григорий дом принял, лично всё проверил и остался довольным.

Теперь осталось его проверить на профпригодность. А то, может, тоже от него откажется. Оставит пустовать.

– Нет, конечно, какой я старожил… Скажите тоже. Просто я иногда астрологов, простите, климатологов слушаю. Интересные вещи говорят. И вот они-то как раз и вещают, что давненько не было такой метели даже тут. А сейчас прогнозируют, что снег будет валить ещё неделю. Так что мы с вами вовремя. А то ненароком и не добрались бы до…Твою ж мать!

Услышав ругательство, Григорий мгновенно подобрался.

– Что?

– Машина. Впереди. На стопорях.

Григорий тоже выругался. Подался вперед, всматриваясь в непроглядную снежную темень, если такое выражение уместно. Свет от фар рассеивался, но не зря Антон монотонно ворчал по поводу расшалившегося снегопада. Снег падал крупными хлопьями, сильно, плюс ветер.

Погодка знатная, что тут скажешь.

– Проезжай медленно. Ещё медленнее.

Григорий не напрягся. Его валить сейчас не имело резона. Давно страсти поутихли, он даже телохранителей частично отозвал. С ним поехал один Антон. Остальные остались в городе, правда, предварительно они зачистили территорию, ещё раз проверили дом.

Это уже, скорее, по привычке.

И тут машина.

На трассе.

Хотя…

– Проезжаем, Григорий Максимович? – Антон повернулся к нему и выжидающе посмотрел.

– Тормози.

Парень послушно нажал на педаль. Его внедорожник плавно остановился, немного забуксовав. Всё-таки не зря поговаривают в народе: «Чем круче джип, тем дальше идти за трактором». В их случае даже непонятно, какую технику придется вызывать.

Они, прежде чем отправиться в путь, залили полный бак. Плюс несколько канистр прихватили. Ещё небольшую обогревательную «пушку». Мало ли… Дорога длинная, дальняя, снежная. Коттедж Григория находился на территории, вокруг которой на пятьдесят километров по периметру не находилось более ни одной застройки. Об этом постарался прежний владелец. По сути, именно уединенность и послужила решающим фактором при выборе.

Что могла делать ещё одна машина на трассе… ночью…

Мысли возникали нехорошие.

Григорий первый открыл дверь. Но поддалась она не сразу. Ветер, что бушевал снаружи, мешал.

– Григорий Максимович, может, я сначала?

Гриша ничего не ответил, взял перчатки, что лежали в бардачке, поднажал и спрыгнул на дорогу, сразу же зачерпнув военными ботинками снег.

– Вот бл…во, – в сердцах выругался он, щурясь.

Если бы не стопари, они не заметили бы машину. Серый седан почти занесло снегом. И если внутри окажется кто-то живой, он смело может записывать сегодняшний день вторым днем рождения.

Антон, по-молодецки кряхтя, тоже выпрыгнул следом. И тоже не сдержал ругательства.

– Пошли.

Пригибаясь и защищая глаза от снега, выдвинулись в сторону седана. Ветер сшибал с ног. Не помешали бы очки, что использовали полярники и лыжники. Они где-то тоже имелись, в одной из сумок. Но искать их времени не было. Желания – тоже.

Плюс, если бы подозрения Григория оправдались, счет мог идти на минуты.

И сам он, и Антон были крепкими молодыми мужиками, но и им пришлось постараться, чтобы преодолеть какие-то несчастные десять метров до заметенного седана. Ещё бы минут тридцать, и снег полностью поглотил бы его. Тогда уже и работающие стопари не помогли бы. Да и какая вероятность, что по глухой трассе кто-то проедет в такую непогоду? Если Антон прав, и мести будет ещё с неделю, то местные запаслись продуктами и никуда нос не высунут.

– Фонарик взял?

– Да.

– Свети.

Они подошли к машине, и Антон начал расчищать снег, чтобы просветить салон, узнать, не брошена ли машина. Если брошена, то искать тех, кто в ней ехал, не имело смысла. Их или кто-то уже подобрал, или они стали пленниками метели. Третьего варианта не дано.

Антон достал из кармана меховой парки перчатки, потом небольшой фонарь, включил его и посвятил через стекло.

– Да черт возьми, – застонал парень и интенсивнее начал расчищать снег с окна двери.

Григорий покачал головой. Чуть сдвинул водителя, нащупал ручку у двери, при этом его ладонь практически наполовину утонула в снегу, и потянул на себя. Ручка со скрипом поддалась. Снег с крыши повалился в салон, как только Григорий открыл дверь. Полностью открыть не удавалось, мешали сугробы. Они сами стояли, фактически по колено провалившись.

Разозлившись, Григорий дернул дверь, чтобы открыть шире. И та поддалась.

– Свети! – рявкнул он, когда свет от фонаря нырнул куда-то в сторону.

Антон сразу же подобрал и направил свет в салон.

На водительском сиденье, уперев лоб в руль, сидела девушка, без каких-либо признаков жизни.

Больше в машине никого не было.

Гриша действовал быстро. Поставив ногу на порог машины, потянулся к шее девушки, отодвинул шарф и нащупал пульс.

– Живая.

Пульс был едва заметным, но ещё прослеживался.

Медлить было нельзя. Теперь уже точно счет шел на минуты.

Седой не мог знать, сколько девушка провела в машине, скорее всего, до хрена и больше. Потому что в салоне стоял дубняк. Не такой, как на улице, но все же. Григорию хватило нескольких секунд, чтобы оценить ситуацию. Ключ вставлен в зажигание, но машина не греется. Бензин на нуле, горит предупреждающий сигнал. Хорошо, что ещё стопари работали.

Заклинившая водительская дверца катастрофически мешала. Не позволяла развернуться и совершать необходимые маневры. Плюс к тому, зимняя одежда значительно сковывала движения. Издав приглушенный рык, Гриша надавил плечом на дверцу. Антон понял, что пытается сделать хозяин, и тоже поднажал своим более чем стокилограммовым телом. Дверь, наконец, распахнулась полностью, дав возможность Григорию потянуть девушку на себя. Пока взять на руки её не получалось.

Первое, что бросилось в глаза – красивая меховая шапка, такие носили боярыни в старину. Белоснежная, привлекающая внимание. Дальше – несколько светлых прядей, выбившиеся из прически и уже покрытые инеем. А вот легкая дубленка из искусственной кожи, причем очень короткая, никак не предназначалась для согревания тела.

– Идиотка… Понаряжаются, а потом…

У Гриши не было слов. Его вообще очень сильно раздражало, даже бесило, когда девушки одевались не по погоде. То туфли с шубой наденут, то без платья в двадцатиградусный мороз или в легком пальто к нему на свидание заявятся. Колготки нужны теплые и трусы… с начесом! Почему-то про начес вспомнилось именно сейчас, так бабушка у него говорила. Что задницу и то, что между ног, беречь надо, а не прикрывать кружевом, когда есть нормальные панталоны. До колен. Он видел, было дело. Когда приезжал в деревню, а бабушка вывешивала по старинке белье на веревке. И ничего, что полный дом прислуги и прочих благ.

Хорошая у него бабушка. Правильная.

Жаль, дед не оценил и развелся. Правда, содержал до последнего. Или бабка его сама выгнала? Кажется, второе – да.

Грише удалось подцепить девочку под ноги и вызволить из машины. Из-за того, что сам стоял в сугробе, покачнулся, но тут его подстраховал Антон.

– Соплюшка совсем.

– Да…

Рассмотреть лицо удалось вскользь. Лишь ресницы длинные, также покрытые инеем заметил, да бледные синюшные губы.

– Антон, возьми документы девочки. Или сумку, если таковая найдется.

Вернуться к машине оказалось труднее. Казалось, на том месте, где они стояли, слетался весь снег. Сугробы росли на глазах.

– Жесть какая… Ни черта не вижу.

Они кое-как пробрались к своему внедорожнику, Гриша сразу же открыл заднюю дверь, уложил свою ношу на сиденье, а сам забрался следом.

– Печку на полную давай. И где у нас плед?

– Так там же…

– Вижу.

Гриша в полусогнутом состоянии поставив одно колено на сиденье, нашел плед и стал быстро раздевать девчонку. Она слабо застонала. Отлично! Значит, просто замерзла. Но согреть ее основательно не помешает! Стянул с неё варежки. Хоть что-то соответствует погоде! Из одежды тоже одно непонятное безобразие. Какие-то лосины, не то кожаные, не то латексные, плюс белый свитер чуть ниже колен. Куда смотрят родители? Хотя… Девица вполне взрослая. Тело у неё точно созрело. Про тело Гриша подумал инстинктивно, всё-таки невольно обращаешь внимание, когда раздеваешь.

Пусть даже и ледышку.

Длинные ноги, красивые бедра, не широкие, но округлые, узкая талия, высокая небольшая грудь. Белье дешевое, но не застиранное.

– У нас есть что-то с собой из арсенала?

– Вы про алкоголь, Григорий Максимович?

– Я про медикаменты, Антон.

– Есть.

– Давай.

Бросив ещё один взгляд на бессознательное тело, Григорий добавил:

– Алкоголь тоже давай. Растирать нашу Снегурку будем.

За всё то время, что он переворачивал, растирал и переодевал её, девушка несколько раз жалобно стонала, глаз так и не открыв. Странно. Она должна была давно прийти в себя. Чем-то накачалась что ли?

Антон дал ему инъекцию. «Витаминки» кое с какими чудесными ингредиентами, после которых обычно человек проваливается в сон. Что ж, для их нежданной попутчицы подобное даже к лучшему.

Когда Гриша разогрел её тело, натер алкоголем, оно немного порозовело, приобрело естественный вид. Уже лучше.

Теперь он мог более внимательно рассмотреть девушку. Укутав ту в плед, оставил только лицо.

Красивая…

Нежная кожа, высокие скулы, немного припухшие губы. Темные брови вразлет. Длинные ресницы, отбрасывающие неровные тени. Загадкой оставался лишь цвет глаз.

Молодая, правильно Антон заметил, соплюшка. Не старше двадцати. А то и моложе. И что такая хорошая девочка делала одна на трассе? К кому ехала, милая? И такая ли ты хорошая, как хочется про тебя думать?

Григорий не стал пересаживаться на переднее сиденье. Откинулся на спинку, иногда посматривая на девушку. Спать она теперь будет несколько часов, как минимум. Они успеют добраться до коттеджа. Про машину Снегурке стоит забыть. Если прогнозы синоптиков оправдаются хотя бы на половину, то даже тогда рано вызывать спецтехнику. Местные точно не поедут. А вызывать «вертушку» или МЧС бессмысленно. Они счет выставят дороже стоимости авто.

Ещё раз посмотрев на девушку, Гриша не смог сдержать усмешки. Молодая, за рулем авто. Или папа дал покататься, или друг проспонсировал. Почему Григорию хотелось верить в первое, но по жизненному опыту он знал, что большая вероятность второго.

Он бы тоже такую проспонсировал, чего греха таить.

Ему часто подкладывали девушек. Разных. Черненьких, блондинок. Миниатюрных и с ногами от ушей. Глупых и посмышлёнее. Бывало разное. На «подкладывание» у Седого выработался особый иммунитет. Женщин он предпочитал выбирать себе сам. Но иногда пользовался и ситуацией… Почему бы и нет? Только те, кто рассчитывал воспользоваться им, оставались недовольны.

Последнее время его коллеги и те, кто претендовал на «близкий круг», перестали, наконец, заниматься всякой ерундой. Даже бабушка сдалась.

– Не дождусь я внуков, – ворчала она.

– Дождешься.

Он подходил со спины и обнимал её.

– Обещаешь?

Приходилось обещать.

Седой не считал себя ни холостяком, ни противников брака. Просто пока не встретил ту самую… Да и встретит ли – вот в чем вопрос.

Что-то его на лирику потянуло.

– Антон, где документы Снегурки?

– Вот, держите.

Антон протянул ему через плечо небольшую сумочку.

Григорий принял её, открыл. Паспорт увидел сразу.

Что ж… Вот сейчас они и познакомятся.

Глава 2

Посмотрев на часы, Григорий потянулся. Половина одиннадцатого. Спать ещё рано. Отложив в сторону ноутбук, Гриша поднялся с дивана, чтобы сразу же опуститься на пол.

Отжиматься он любил. Можно, конечно, и в тренажерный зал спуститься, но, по его ощущениям, Снегурка скоро должна была проснуться. «Витаминка» действовала не более трех часов, прошло уже около четырех. Если девочка не появится на горизонте в ближайший час, он поднимется.

Когда они прибыли, он проверил пульс. В норме. Значит, девочка должна скоро прийти в себя. Если же нет… Дело примет серьезный оборот. Херово то, что пока даже с врачом не удастся связаться. Придется руководствоваться теми знаниями, что у него имелись.

Метель продолжала бушевать.

Не хило…

Григорию нравилось. Чертовски. Так как он и хотел. В камине потрескивал огонь, тишина в доме успокаивала. Ни звонков, ни визитеров. И все планы остались где-то за чертой. Такие вылазки надо делать почаще. К сожалению, чаще раза в год, вряд ли получится.

…пятнадцать…

…тридцать семь…

Он ритмично отжимался, заставляя мышцы работать. Ежедневные физические упражнения позволяли не только держать в тонусе тело, но и голову. Гриша мог часами пропадать в спортзале, продумывая следующие ходы и составляя комбинации.

…сто два…

Легкий, едва различимый скрип паркета заставил Григория повернуть голову.

Вовремя.

Чтобы увидеть, как Снегурка спускается по лестнице. Она замерла где-то на второй или третьей ступени, передвигаясь на цыпочках и не спуская с него испуганного взгляда. Девушка была намерена не привлекать его внимания, а так как он находился в гостиной, пройти мимо него бесшумно не получилось бы.

Григорий мгновенно поднялся на ноги, оттолкнувшись руками от пола, и сдержанно улыбнулся.

– Привет.

Девушка выглядела испуганной и растерянной. Она стояла, прижимая к груди всё тот же плед, которым он укутал её в машине. Когда Григорий переносил её в коттедж, не стал раскутывать.

Снегурка никак не отреагировала на его приветствие. Сжав концы пледа, она бочком придвинулась к краю лестницы, бедром упираясь в перила, начала

спускаться дальше.

Из-под пледа выглядывали босые розовые пальчики. Григорий снял с неё носки уже в доме, укладывая Снегурку на кровать. В доме топили уже несколько дней. Но сейчас именно эти розовые пальчики отчего-то больше всего забирали на себя его внимание. Казалось, с чего бы…

Может быть, оттого что девушка стояла выше? Или была другая причина?

– Спускайся, поговорим, – он старался говорить, как можно мягче. Смятение девушки понятно. Последнее, что она помнила, это как сидела в машине и замерзала. Проснулась живой, целой, в незнакомом месте. И да, в нижнем белье. У Григория возникала мысль переодеть её, он отмахнулся. И так достаточно провозился с девочкой.

Если умненькая, сама сообразит, что к чему.

Девушка медленно кивнула и начала спускаться.

Шаг за шагом.

Голенькие пальчики ступали по деревянным ступеням, а у Григория вдруг свело все в зобу. Странная реакция, если на то пошло. Да, Снегурка красивая, привлекательная, чего уж тут, но у него только вчера был секс, когда он вертел-крутил и имел партнершу, как хотел и куда хотел. У него числилось несколько постоянных любовниц, к которым он захаживал, когда необходимо было быстро и без напряга сбросить пар. Заплатил, и девочка старается, потому что знает за что. Никакой романтики, никаких лишних забот.

А тут Гриша завис. В прямом смысле. На маленьких аккуратных пальчиках с прозрачным маникюром. Он даже его успел рассмотреть. Никаких ярких тонов, никаких блесков и прочей ерунды, что сейчас девушки лепят себе куда только могут и куда не могут – тоже. Даже на зону бикини и туда умудряются. Не понимая, что тем самым отталкивают нормальных мужиков. Для извращенцев, может, всё и отлично. Себя к последним Седой не относил.

Взгляд снова задержался на пальчиках. У него намечается личный фетиш?

Снегурка молчала. Не произнесла ни слова. Лишь смотрела на него. Хорошо, что Григорий не снял футболку, обычно любил заниматься в одних домашних штанах.

Он тоже не спешил продолжать диалог в одни ворота. Спустится, присядет, тогда и говорить будут.

Расшаркиваться ни перед кем Григорий Зимин не собирался. Не привык. И ни к чему это. Барышня должна понять, от какой участи её спасли.

И всё же эти пальчики…

Снегурка спустилась вниз и снова встала каменным изваянием. Гриша демонстративно медленно приподнял брови, мол: что, так и будешь молчать? И скрестил руки на груди.

Между ним и девушкой расстояние было не более пяти метров. Небольшой журнальный столик ещё имелся. Достаточно, чтобы Снегурка чувствовала себя в безопасности. Она по-прежнему выглядела напряженной. Григорий больше не спешил смягчать ситуацию.

Когда девушка сорвалась с места и побежала в сторону двери, он не удивился. Лишь приглушенно выругался. Даже шага за ней не сделал. А смысл? Они сейчас в догонялки начнут играть? Оно ему надо?

Нет.

Совершенно.

Барышня могла бы пораскинуть своими блондинистыми мозгами. Она в незнакомом доме – это раз. Непонятно где. Два. За окном метель – три. Уж об этом-то она должна помнить! Но нет, ей же надо показать характер, строптивость! Вместо того, чтобы порасспросить у него, что да как, кинулась к двери! Ну-ну. Пусть добежит до входной и попробует её открыть. Антон запер давно, но, может, хотя бы в окно удосужится глянуть.

Бестолковая.

Григорий поморщился.

Его чрезмерно раздражала человеческая глупость. Выбешивала порой жестко так. Женская – особенно. Он терпеть не мог глупых девушек. Как начнут петь: «Я – девушка, я не хочу ни о чем думать… Я хочу новое платишко…» И далее по списку. Да никто не против, чтобы тебя обуть и одеть! Стань умницей, и всё будет. Нет же, все, черт побери, видят себя такими воздушными, озабоченными только лайками в «Инстаграме». Всё!

Снегурка, кажется, из той же серии. С чего бы ей быть другой? Одна в мороз ехала непонятно куда, да ещё без спутника, одетая черте как. Даже без пурги замерзла бы на улице, не простояв и десяти минут. Хотя такие как она, обычно на улице не стоят.

Лежат под кем-то. Это реалистичнее.

Качнув головой, Гриша направился к бару. Рюмка коньяка на сон грядущий не помешает.

Он не успел даже дойти до бара, как услышал шум и окрик Антона.

Усмехнулся не без злорадства. Добегалась.

Гриша всё же налил себе рюмку и сразу же выпил. За его спиной раздался какой-то шум, возня. Он даже не обернулся. Неинтересно разом стало.

– Григорий Максимович…

– Свободен, Антон.

Седой поставил рюмку на полку и лишь тогда обернулся.

В комнату, пятясь, возвращалась Снегурка. На неё надвигался Антон. Вот его парень, в отличие от него, уже был в одних домашних трениках и играл накаченной мускулатурой. Которая, кстати, тоже поблескивала от пота. Антон или из душа вышел, или из тренажерной. Если последнее – похвально.

Антон был из тех, кого природа-матушка наделила прекрасными данными. Широкий в плечах, высокий. Спортом парень увлекался с раннего возраста, к тридцати пяти годам приобрел отличную форму, при взгляде на которую сразу понимаешь, что если и завалишь такого бугая, то не без труда. А что подумает девушка, видя такой экземпляр?

Наверное, зависит от ситуации.

Если на пляже или в спальне, то только позитивное. Другое дело, когда на тебя надвигается такой товарищ, а ты про него ни слухом ни духом…

Антон остановился, посмотрел на хозяина и кивнул.

– Она к двери сиганула.

– Знаю. Иди.

Антон бросил недовольный взгляд на Снегурку, развернулся на босых пятках и вышел. Он тоже ждал элементарной благодарности.

– Садись на диван, – угрюмо бросил Седой, как только они остались с ней вдвоем. Видя, что девушка не спешит выполнять его распоряжение, рявкнул: – Сядь, я сказал!

Блондинка вздрогнула и довольно быстро обогнула столик, после чего опустилась на диван. Выбрала крайний от Григория угол.

Мужчина усмехнулся уголком губ.

Не так он представлял их первое общение.

– Куда побежала на ночь глядя, Даша?

Девушка снова вздрогнула, когда услышала собственное имя. Григорий всё равно не мог рассмотреть настоящий цвет её глаз, раздражение усиливалось. Какие-то пару минут, один неразумный поступок, и всё его благое расположение к Снегурке изменилось в корне. Обычно ему не свойственны подобного рода

перепады, он довольно стабилен в общении. Вывести его из себя непросто.

Если же выводят… Лучше рядом не находиться. Тесно становится всем!

Дарья упорно продолжала молчать, только смотрела на него широко распахнутыми глазами. Дышала она прерывисто. Грудь, надежно спрятанная под пледом, поднималась и опускалась.

Гриша перевел взгляд на босые ноги. Сидит, красивая, пальчики поджала.

И сдались, мать вашу, ему её пальчики!

Разозлила, на ночь глядя, а теперь глазами хлопает!

– Я задал вопрос. Неправильно мы с тобой начали общение. Никто за тобой бегать по дому и по территории не собирается. Хочешь уйти – без проблем. Только учти, пожалуйста, что на улице по-прежнему метет. И ни я, ни Антон откапывать тебя в сугробе не будем. Иногда вот таким неразумным созданиям, как ты, судьба сама преподносит шанс распорядиться судьбой.

Девушка слушала внимательно. При этом она разглядывала его исподтишка. Вроде бы и открыто не изучала, но взгляда не отводила.

Его гневная тирада не прошла даром. Снегурка выпрямила спину и повела бровями.

– И что? Долго будем играть в молчанку? Знаешь ли, Даша, уже начинает раздражать.

Он сознательно не представлялся.

Много чести вот для таких зарвавшихся девочек, что умеют только хлопать ресничками. Спираль раздражения всё скручивалась. Какого черта он вообще с ней возится? Пусть что хочет, то и думает. Пугается ли. Страшится. Или в ночь выходит. Померзнет, потом сама в дверь постучится. Мозги блондинистые заодно проветрит и, может, что-то начнет соображать.

Он мог допустить, что она испугалась. Два незнакомых мужика в доме, конечно, не вызывают радужных мыслей. Но могла бы открыть рот и внятно поговорить.

Григорий готов был уже пройтись по ней вдоль и поперек, когда заметил, как она поднимает свободную руку (второй она удерживала плед) и дотрагивается до горла. Маникюр на пальчиках рук тоже был прозрачным. Красивым.

Она задержала ладонь на горле. Гриша нахмурился.

Да к черту…

– Ты немая? – с недоверием уточнил он.

Даша быстро-быстро замотала головой, отчего её и без того неприбранные волосы растрепались сильнее.

Ей шло. Она и без того выглядела беззащитной, а сейчас в ней появилось нечто иное. Ещё более ранимое. У Григория возникло странное желание защитить её. От кого? От себя?

Видимо, он точно переработал. Никогда ранее за собой не замечал подобного восприятия девушек. В последние пару месяцев он много летал. Частые перелеты тоже могли сказаться.

– Тогда что? Не можешь говорить? Почему? Болит горло?

На этот раз она кивнула и перевела взгляд с него на журнальный столик. На нем лежал журнал про бизнес и графический карандаш. Снегурка потянулась и взяла сначала журнал, потом карандаш. Подняла голову, снова посмотрев на Григория. Теперь в её взгляде он прочитал робость. Она словно спрашивала разрешение.

Он кивнул.

Она открыла первую страницу, сложила её и быстро начала что-то писать. Сотовая связь в этом районе работала с перебоями даже при хорошей погоде. Притом, что творилось за окнами, и через спутник связаться с кем-то будет

проблематично. Телефона рядом не было. Воспользоваться журналом оказалось разумным.

Девушка, написав ему сообщение, и не делая резких движений, вернула журнал на столик, подтолкнув его в сторону Гриши. Мужчина иронично усмехнулся. Надо же, какая осторожная.

Почувствовал он её напряжение, когда выдвинулся к столику. Даша напряглась сильнее, выпрямив спину.

Гриша подошел, не глядя на гостью, взял журнал и прочел:

«Да. Горло. Осложнение. Говорить не смогу несколько дней».

Гриша поднял глаза на Дашу и не смог сдержаться:

– Не сможешь говорить несколько дней? Как интересно. Наверное, прозвучит цинично, но порой очень хочется, чтобы женщина некоторое время помолчала.

Девушка вспыхнула, её щеки порозовели.

Стоило признать, что смотреть на неё оказалось одним сплошным удовольствием. Даже продолжая злиться.

На первый взгляд милая девочка. Брошенная, попавшая в тяжелую жизненную ситуацию. Глядя на неё, у любого нормального мужика, в том числе и у него, сразу же срабатывал инстинкт защитника. Хотелось присесть на корточки, положить ладони ей на колени. Успокоить. Сказать пару ласковых слов, развеять её сомнения, что сейчас наверняка съедали её изнутри.

Но Гриша остался на месте. Несмотря на то, что он знал данные Дарьи, мужчина пока не мог пробить на неё информацию. Вдруг всё-таки подставная… Но какой же отчаянной надо быть, чтобы забраться на трассу и ждать, когда они проедут! Ещё не факт, что Седой сто процентов остановился бы. Машину могло к моменту его проезда полностью занести.

И всё же Зимин не откидывал и эту версию. Мало ли кто что запланировал. Григорий привык не доверять.

Малышке хотелось верить. Он даже не знал, почему. Что-то в ней было неуловимое.

Черт побери, в паху помимо воли потяжелело. Красивая, нежная девочка, в одном белье, с ним в доме. Антона можно не считать. Вокруг снежное безмолвие.

Ей от него никуда не деться. При его желании – никуда.

Дарья снова взяла журнал и снова что-то чиркнула.

Журнал не вернула на столик, перевернула его.

Григорий увидел:

«Как вас зовут?»

– Логично, – всё-таки не всё безнадежно со Снегуркой. – Григорий.

«Отчество?»

– Давай без отчества.

Она медленно кивнула и прикусила нижнюю губу. Григорий выпрямился. Кажется, ему стоило выпить ещё.

«Где я?»

У неё был красивый почерк. Аккуратные буквы, почти каллиграфические.

– Хороший вопрос, Даша. Мы тебя подобрали на трассе. Ты замерзала в машине. Сейчас ты находишься в моем доме. Для информации: ближайший поселок через пятьдесят километров. За дверью снег и метель. По прогнозам такая погода

продлится ещё несколько дней. Ты можешь побыть в моем доме гостьей. А так же попытаться добраться до своей машины или поселка самостоятельно.

Григорий специально сразу же расставил точки над «i», чтобы у Даши не осталось иллюзий и сомнений, как и желания снова срываться в ночь. Жалости он не испытывал. Ничего страшного с ней не произойдет, если сегодня он применит тактику «кнута». «Пряник» будет завтра.

– Что я могу тебе ещё сказать? Час поздний. Предлагаю подняться и лечь спать, – Седой не мог не заметить, как глаза девушки распахнулись, и в них застыл ещё больший испуг. Григорий продолжил, не меняя тона: – Ты можешь воспользоваться той спальной, в которой очнулась. Это гостевая. Продолжим разговор завтра. Возможно, голос к тебе вернется.

Снегурка снова покачала головой, на этот раз куда медленнее. Она не сводила с него глаз. Седому не нравилось, как она на него смотрит. Словно зверек, готовый в любой момент начать отбиваться от охотника. Григорий привык к другим женским взглядам – заинтересованным, ласковым, обещающим удовольствие.

Ночь диктовала свои условия, искажая восприятие.

Григорий отошел, давая девушке немного больше личного пространства. Она не спешила задавать вопросы, хотя её взгляд то и дело метался к журналу.

Интересное у них намечалось общение. Не ординарное – это точно. Он пока не знал, рад ли нечаянной гостье в доме. Или всё же обошелся бы без неё. Хотел бы взять любовницу – взял бы. На девушку в доме расчет не производился. Волей-неволей будешь с ней сталкиваться. Куда она денется эти дни?

Черт.

От очередного раздражения, накатившего на него, Григорий нахмурился. Он не любил, когда его планы рушились.

– Ещё что-то, Даша? Если нет, то поднимись к себе, будь любезна.

Девушка на его замечание отреагировала остро. Вернее, попыталась. Она хотела встать, подалась вперед, не заметив, что край пледа опустился на пол, прямо под босые пятки. Гриша уже собирался окрикнуть, остановить её, но опоздал на пару секунд. Даша, желая, как можно скорее избавиться от его общества (тут не приходилось сомневаться), двигалась быстро.

Вскочила, запуталась и стала заваливаться не назад, а вперед. Прямо на журнальный столик.

Григорию пришлось подхватить Снегурку. Рукой сжал её талию, ногой же сдвинул столик в сторону, иначе эта нерадивая барышня всё равно умудрится его задеть.

Как только он прижал её к себе, понял, что допустил ошибку. Пусть и небольшую, но она имела место быть.

Там, на заднем сиденье внедорожника, когда он переодевал её, думал лишь о том, как спасти, избежав осложнений. Мало ли, могла запросто отморозить себе конечности или лицо. Он же не знал, выходила она на улицу или всё время провела в машине. Он не рассматривал её тело на предмет сексуального вожделения. Его прострельнуло уже здесь, когда её босые пальчики увидел. Зациклился на них. Подмывало снова и снова смотреть на них. Даже больше…трогать, прикасаться, поцеловать. В паху заныло ощутимее. Ситуация усугубилась тем, что пока Дарья вставала и затем падала, плед сместился, она не смогла удержать его, и теперь девушка прижималась к его грудной клетке почти обнаженной грудью. Нижнее белье – не в счет.

Гриша не удержался, прижал её сильнее. Сработал инстинкт, выработанный годами. Когда в руки попадает красивая девочка, отпускать не хочется.

Она была невысокой. Метр пятьдесят пять или метр шестьдесят. Хрупкого телосложения. Ему не составило бы труда поднять её на руки и повалить на диван. Сам – сверху. Сопротивление, если оно, конечно, будет, тоже преодолеет легко. Дальше – дело техники, а если ещё и пообещать покровительство, назвать свою фамилию, если она его не узнала, то и сопротивление будет, скорее, для набивания цены. Григорий мысленно оскалился. Насилие для него не то что было неприемлемо, не любил. Надо будет – возьмет против воли. Если его очень сильно приспичит.

Сейчас его не приспичило. Нет… Но продолжало крыть. И основательно так. И чем быстрее он отпустит Снегурку, тем будет лучше.

Проблема заключалась в другом – отпускать не хотелось.

Совсем.

Её мягкое тело идеально вписалось в него. Легло. Другого слова Гриша не нашёл. В голову пришла совершенно абсурдная идея, что она идеальна для него. Пусть и физически. Почему бы этим не воспользоваться? Циник в голове Седого продолжал развивать тему. Девочка не говорит, проблем своей болтовней доставлять не будет. Беззащитна. Без связи. Он может с пользой для тебя провести время.

Его рука самопроизвольно скользнула вниз, к ягодицам Снегурки.

Сорвать чертов плед, под ним она почти голенькая.

Его тело на намечающийся удар отреагировало, как и положено – предотвратив. Он успел чуть сдвинуть корпус, и занесенное колено пришлось не по паху, как подразумевалось, а съехало в бедро.

Григорий не церемонился со Снегуркой, резко дернув, разворачивая её и прижимая к груди спиной. Одной рукой продолжая удерживать её за талию, второй схватил за волосы, намотал на кулак, отводя голову назад.

– Хватит. Перебор… Сейчас ты всё же поднимаешься наверх. И спишь до утра. Носа не показываешь. Не делаешь опрометчивых поступков. Не злишь взрослых дядь. А завтра мы с тобой до чего-нибудь да договоримся.

Глава 3

Утро началось с тренажерного зала. Позанимавшись час, Григорий поднялся к себе, принял контрастный душ, надел домашние спортивные штаны и серую футболку. Часы показывали без пятнадцати восемь.

Снегурка уже проснулась?

Гостевая и его спальня располагались на втором этаже. Гостевая ближе к лестнице, то есть, по пути. Гриша вышел, прикрыв за собой дверь. Спал он хорошо, несмотря на то, что погода продолжала лютовать. Правы были климатологи, которых слушал Антон. Если так и дальше будет мести, им придется откапываться, иначе потом они не откроют даже дверь. Григорий усмехнулся. Предполагалось, что они с Антоном возьмутся за лопаты? Снегоуборочные машины имелись, но от двери-то откапываться надо вручную. Забавно даже. Ему было лет семь, может, чуть больше, когда бабка всучивала ему деревянную лопату и выгоняла снег чистить. Помнится, ему тогда даже понравилось. Для пацана, который с ранних лет привык, что за ним едва ли не подтирают задницу, окунуться в другую жизнь оказалось полезным опытом.

Гриша любил получать новый опыт и новые ощущения.

Он подошел к двери гостевой и постучал. Не дожидаясь ответа (его в любом случае не последует, если только Снегурка уже не караулит за дверью), он толкнул её и вошел без приглашения.

Девушка не спала. Она сидела за журнальным столиком. Услышав стук, поспешила встать.

Сегодня на ней был халат, который она обнаружила в ванной. Уже не плед – и то лучше. Второй раз разгуливать в присутствии Гриши в пледе опасно. И для его спокойствия, и для её.

Халат она затянула крепко, закутавшись под самое горло. Но, твою ж мать, ноги снова босые! И пальчики. С прозрачным маникюром. Григорий сам не заметил, как первым делом перевел взгляд на ножки барышни.

Лишь потом посмотрел на лицо. Даша успела привести себя в порядок, умыться, волосы ещё казались влажноватыми. Она снова их заплела в две косы, соединив под конец в одну. Лицо бледноватое. Смотрит на него настороженно, даже сильнее, чем вчера.

– Привет. Проснулась?

Он прошёл вперед, остановившись в паре метров от неё.

Красивая, черт побери.

Осознание того, что с ним под одной крышей оказалась привлекательная молодая девушка, не вызывало вчерашнего восторга. Причин для злости и раздражения не было. То, что они немного повздорили накануне, легко списать на общую нервозность. У него – от дороги, у неё – от незнакомой ситуации.

Интуиция редко подводила Седого, а сейчас она обострилась и почти открыто говорила, что со Снегуркой всё так просто не будет, как бы ему хотелось. А хотелось ему секса, безмятежного времяпровождения и, учитывая, что девушка пока не могла говорить, подобная перспектива казалась вполне осуществимой. Никто не будет щебетать над ухом о милых, на её взгляд, вещах. Молчаливая любовница. Чем больше об этом думал Седой, тем больше ему идея нравилась.

Но что-то изменилось в его восприятии, как только он вошёл в комнату и снова увидел Дашу. Она стояла напротив него снова растерянная и немного испуганная. Даже руку подняла к ключицам, плотнее запахивая полы халата.

Даша кивнула, потом отвела руку назад, нащупала на журнальном столике лист бумаги и протянула его ему.

Откуда только взяла? Где откопала?

Гриша, ничего не говоря, взял лист.

«Григорий, доброе утро. Мне сложно формулировать свои мысли на бумаге, но другого варианта у меня пока нет. Я оказалась в сложной ситуации, поэтому прошу Вас о помощи».

Григорий не смог сдержать усмешки. Бедная ты ж моя… О помощи она собралась просить. Вчера что-то не додумалась элементарное спасибо сказать. Видимо, за ночь всё же остыла и пораскинула блондинистыми мозгами.

Он продолжил читать дальше:

«Я не знаю Вас. Я не знаю, где нахожусь. Я не знаю, чей это дом, и где мы территориально. Я понимаю, что Вам я обязана жизнью. Вы спасли меня от замерзания. У меня что-то случилось с машиной, она ушла в занос. Возможно, прокол шины. Как такое вышло, не могу объяснить. Я простояла на трассе несколько часов. Берегла бензин и тепло, как могла. Но… Никто мимо не проезжал. Ни одной машины не было. Поэтому я… Поэтому случилось то, что случилось. Спасибо Вам большое, Григорий. Я не знаю, как Вас благодарить…»

Григорий уже не скрывал иронии. Девочка не просто пораскинула мозгами, сообразила, что находится в доме небедного человека, и быстренько решила устроить свою судьбу, подложив себя под него. Свято место пусто не бывает, так, барышня?

Что ж. Григорий не против. Намёк понятен.

«Если есть такая возможность, расскажите, пожалуйста, где я. Меня пугает неизвестность и вся ситуация в целом, как я писала выше».

Зимин снова поймал себя на мысли, что ему нравится почерк Снегурки. Впрочем, как и её внешность.

Остальное…

Возможно, и было бы интересно, если бы не некоторые аспекты их общения и знакомства.

– Что ж, всё логично, Даша, – растягивая слова, сказал он, возвращая ей лист. – Общаться, я так понимаю, пока будем посредством бумаги и сообщений. Пошли на кухню. Я голоден и хочу кофе. Там и поговорим.

Он окинул взглядом её фигурку в халате.

– По поводу одежды придумать что-то будет сложнее. В доме нет женских вещей. Твои, если таковые даже имелись, остались в машине.

Девушка покачала головой.

– Не имелись?

Она покачала повторно.

– Тогда будет весело. В моей должны лежать твои штаны и кофта. Принесу чуть позже. Пошли вниз.

Наверное, она ждала, что он сейчас же примется всё ей рассказывать. Немного ещё подождет.

Гриша рукой указал на дверь, давая понять, чтобы она выходила первой. Снегурка прихватила с собой карандаш, засунула его в карман халата, лист тоже сложила. Что-то надо делать с её ногами. Не будет же она постоянно мелькать голыми пятками. Простынет ещё, несмотря на теплый пол.

Стопа у неё была миниатюркой. Максимум тридцать шестой размер. Его носки ей явно не подойдут. Антона – тоже. Но другого варианта пока не предвиделось.

Носки и верхняя одежда – вопрос решаемый. В его футболках будет ходить. Есть же у девочек фишечка облачаться после бурных ночей в одежду любовников. Как бы невзначай, то рубашку нацепят, то футболку. Не интересуясь, а нравится ли мужчинам, что их одеждой распоряжаются без спроса. Гришу это порой очень даже злило.

Помимо носок существовала ещё одна проблема. Нижнее белье.

От мысли, что у Снегурки нет сменного белья, в груди разлилось тепло, плавно устремляющееся в пах. Григорию начинала нравиться собственная реакция на девочку. Снегурка выглядела очень уютной, мягкой без макияжа и с встревоженным лицом. Даже её неопределенность нравилась. Беззащитность. Что-то темное и очень древнее, существующее лишь на уровне инстинктов, пробуждалось в нем.

Почему бы и нет? Сама природа их толкала в объятия друг друга. Будет согреваться и занятно проводить время. Если девочка не окончательная дурочка, то быстро поймет, что выбора у неё особо нет. Плюс она уже завела разговор про благодарность.

И в то же время Седой почувствовал легкое разочарование. Девушки становились слишком доступными. Открытыми. А хотелось чего-то другого.

– Вот помянешь меня, Гриша, обязательно помянешь… Перестанешь перебирать своих городских. И потянет тебя на настоящую девоньку. Да так потянет, что кишки сворачивать будет. Я бы, конечно, могла сказать, что ещё сворачиваться будет, но ты мой внук, поэтому не положено!

– Ба, ты вообще меня любишь? – он рассмеялся очень искренне. Иногда ему казалось, что бабушка специально дурачится и говорит по-деревенски.

– Ещё как люблю, поэтому так и говорю.

Григорий пропустил Дарью, вспоминая старый диалог. Бабушка умела зажигать и всё пророчила ему большую и светлую любовь. Где-то, возможно, она и была. Большая и светлая. В его же загородном доме, среди снежного плена, намечалась грязная и очень развратная.

Другой с девочками в обтягивающих кожаных лосинах, разъезжающих в одиночестве по пустым трассам, не бывает.

На кухне уже побывал Антон. А мультиварке томилась каша. Этот адепт здорового питания уже ранее сообщил Григорию, что завтракает только овсяной кашей.

– Вы как, Григорий Максимович?

– Нормально.

Он знал, на что подписывался, отгораживая себя на десять дней. Специально не взял в дом повара. Справятся сами. Готовить он умел, любил ли – это уже другой вопрос.

Антона тоже предупредил.

– Готовим по очереди. Или вместе. Как получится.

– Сделаем, Григорий Максимович.

Даже интересно, на сколько их хватит. Мясо вяленое имелось в большом количестве, рыба – тоже. Целая холодильная камера в подвале. Консервы, другие непортящиеся продукты. Одним словом, в доме еды имелось на маленькую армию. Или на большую компанию.

Троим точно хватит.

Антона в комнате не было. Даша нерешительно застыла в дверном проеме, осматривая кухню. Григорий же сразу прошёл внутрь, посмотрел на таймер на мультиварке. Ещё десять минут. Терпимо.

– Проходи. На завтрак каша.

Озвучивать весь список он не собирался.

Григорий удивлялся сам себе. Почему он сознательно груб с малышкой? Ведь груб, черт побери! Что ему стоит улыбнуться, подбодрить девочку? Сказать, что всё хорошо? Нет же, время тянет, играет с ней.

Или присматривается?

Ему не понравился вчерашний её выпад. Как она сиганула от него, а потом ему едва ли по яйцам не зарядила.

Или ему больше не понравилась собственная реакция на те же пальчики?

Даша прошла за ним, остановившись около холодильника и постучав по нему согнутым указательным пальцем. Гриша обернулся на звук.

Всё-таки непривычно общаться с девушкой посредством жестов и бумаги.

Даша снова указала на холодильник.

– Ты хочешь ещё что-то приготовить?

Девушка кивнула и снова покраснела.

Черт!

Она смущается.

Постоянно.

Да что ж это такое…

Девочки, что метят в любовницы ко взрослым, серьезным дядям, не краснеют.

– Готовь. Мы будем только рады.

Её спина неестественно выпрямилась, когда она услышала про них. Григорий прошел за стол, отодвинул стул, сел, скрестил руки на груди и вытянул ноги. Расслабляться и впускать Снегурку в круг доверия он пока не планировал. Попрессует её ещё немного, а там посмотрим.

Она выставила вперед руку и показала пальцами «V».

– Да, нас двое. Я и тот парень, которого ты вчера видела. И нет, мы не геи.

Более подробные объяснения он тоже опустил.

Девушка отвернулась, открыла холодильник. Менее минуты ей хватило, чтобы решить, что нужно.

Григорий с интересом наблюдал за ней и одновременно пытался вспомнить, готовил ли ему кто-то из пассий завтрак. Кофе – максимум. И то, потому что нажать на две кнопки они могли. А вот полноценный завтрак… Нет, не припоминал.

Поэтому любопытно стало вдвойне.

Даша сначала достала яйца. Потом сыр. Потом тонкие полоски бекона.

Да не может быть! Неужели по классике жанра у них с Антохой на завтрак будет полноценный омлет с беконом, помимо яичницы? Омлет полностью соответствовал правилам правильного питания.

Потом на столе появились овощи. А вот это уже совсем интересно. И салат будет?

Гриша даже заерзал от нетерпения.

Всё-таки привык он к заботе и к тому, что у него всегда всё есть.

Снегурка передвигалась по кухне быстро, аккуратно. Наблюдать за ней оказалось эстетически приятно. Молодая, красивая, да ещё и готовить умеет. По крайней мере, элементарные блюда – точно.

Она на него не смотрела. Даже ни разу не обернулась, хотя и не могла не знать, что за ней наблюдают. Он же буравил её взглядом! Специально.

Выдержка у девочки что надо. В данном случае, для неё минус. Значит, тренировалась. Готовилась.

К чему?..

– Григорий Максимович, а чем так вкусно… О, – Антон застыл в дверном проеме.

Снегурка, услышав его голос, тоже резко развернулась, едва не запутавшись в полах халата. Она как раз заканчивала жарить бекон, от запаха которого у Григория во рту обильно выделялась слюна. Сидеть и ждать завтрак оказалось тем ещё испытанием.

– Доброе утро, – это Антон к нему обратился и сразу же к девушке: – Привет.

Дарья медленно кивнула и вроде как незаметно положила руку на нож.

Невзначай так.

Гриша покачал головой. Точно бедовая. И что она собирается делать с ножом? Обороняться от них? По ним (по нему и Антону) не видно, что они со спортом не просто дружат, а занимаются профессионально?

И она… пигалица-Снегурка.

Сумасшедшая.

Или…

Григорий немного иначе взглянул на девочку. Неужели подобным образом собралась защищать свою честь? Да ну на хер! Быть такого не может! Драться, но только не лечь под мужика? Это какие же мысли должны у неё вертеться в голове?

– Антон, у девушки осложнение на голосовые связки. Говорить не может. Поэтому не доставай.

– Понял. К сведению принял. А каша готова? – он бросил любопытный взгляд на плиту.

– Ты ограничишься только кашей?

– Если предложите ещё что-то…

Завтракали они молча. Кашей, омлетом, посыпанным сыром и зеленью. К последнему шел ещё бекон с изумительно хрустящей золотой корочкой и салат. Всё-таки сегодня без содействия Даши они так точно бы не позавтракали. Обошлись бы минимальным набором продуктов. К вечеру что-то более серьезное соорудили бы.

А так – приятно.

Даша чувствовала себя не в своей тарелке. Ела только кашу, опустив глаза и лишь иногда посматривая то на Григория, то на Антона.

На последнего – чаще. Тот тоже не обделял вниманием их гостью. Бросал любопытные взгляды.

Григорию категорически не понравились эти «гляделки». Какого черта? Он не понимал причину своего раздражения. Смотрит Антон на молодую девушку, что тут такого. А хотелось рявкнуть и послать парня заниматься своими делами. Не важно, какими! И Снегурка туда же! Что, барышня, впечатлилась рельефным торсом Антона? Так у него не хуже! Показать? Он не только может показать, но и дать потрогать. То, что ниже – тоже.

Седой был собственником. От корней волос. Если на что-то падал его взгляд, значит, должно быть его. Это не обсуждалось. Он получал всё с раннего детства. Привычка, впитываемая с молоком матери. В последнем случае он немного утрировал, но смысла не меняло. Григорию нравилась эта его черта. Не делится с тем, что его. Да и рожденный во влиятельнейшей семье, он привык к власти и не видел в этом ничего плохого.

Его не должны игнорировать.

Первым он поговорит с Дашей, выяснит, что и как, а потом решит, отдавать её Антону или нет. Парень не дурак, должен понять, что прыгать выше «папки» не стоит.

– Кофе? – Антон подорвался сварить.

За ним начала вставать и Даша, Григорий остановил её взглядом.

– Давай. Сделаешь, Антон, и оставь нас. Попьешь у себя.

Он говорил довольно жестко, давая понять, что никакие возражения не уместны.

Даша тоже заметила его тон, потому что села и выпрямила спину.

– Спасибо, было вкусно.

Снегурка натянуто улыбнулась и совершила ошибку – посмотрела в сторону Антона.

Да какого?..

Барышня, сама того не подозревая, пробуждала в нем совсем недобрые порывы. Не привык он, чтобы вместо него акцент делали на его подчиненного. И не будут! Пока он заинтересован в объекте женского рода с невероятными сексуальными пальчиками. И пока он не увидит эти пальчики закинутыми на его плечи!

Пока готовилось кофе, на кухне снова царила тишина. Антон стоял к ним спиной, тоже предпочитая лишний раз рта не открывать.

– Даша, вам с молоком? С сахаром?

– Мы сами разберемся. Спасибо, Антон.

Молодой мужчина повел бровями, мол, не его дело, взял свою чашку и вышел.

Даша встала, не забыв поправить полы халата, и засуетилась. Взяла чашки с блюдцами, поставила их на стол. Потом из холодильника достала молоко, сливки. Тоже поставила. Гриша сидел, скрестив руки на груди, медленно закипая. Нет, всё-таки он погорячился, когда сделал вывод, что не говорящая несколько дней девушка – благо.

– Твоей выдержки позавидуешь, Даша. Моим бы аналитикам такую. Где-то училась или от природы?

Даша как раз ставила сахарницу. Услышав его язвительное замечание, замерла над столом. Потом нахмурилась, свела брови на переносице и покачала головой.

– Значит, от природы? Браво. Давай уже, садись.

Она послушно опустилась на стул, что стоял напротив Григория. То есть через стол. Чтобы быть подальше от него.

– Итак, я вчера тебе уже сообщил, что мы находимся в моем доме. Запертые снаружи стихией. Волей-неволей вынуждены общаться и находить общий язык.

Твой паспорт у меня, то есть я знаю, как тебя зовут. На этом всё. Телефон остался в машине. Его не было в сумочке, а в тот момент, когда мы вытаскивали тебя полузамерзшую, не до исследований салона было. – Даша очень внимательно его слушала. Она не пила кофе, полностью сосредоточившись на той информации, что ей выдавал Григорий. Он бы тоже так сделал. – Общаться будем посредством бумаги и моего телефона. Связи, кстати, нет. У меня пока один вопрос, девочка. Что ты делала на трассе? Безлюдной, непопулярной. Пока мы с Антохой ехали, за последние четыреста километров твоя машина единственная, что мы встретили. Поэтому давай, Снегурка, рассказывай.

Листок, что захватила с собой Даша, лежал на столе. Она подтянула его к себе, достала карандаш из кармана и быстро начала писать.

Григорий ждал, прислушиваясь к едва различимому скрипу стержня.

Закончив писать, Даша перевернула лист к нему написанным:

«Я была в гостях. Поругалась с хозяином дома. Сорвалась и уехала. Это была моя ошибка».

Почему Григорий не удивился?

– Значит, в гостях, да? – лениво протянул он. – Ругаться с хозяином нехорошо. Думаю, ты это поняла. И урок вынесла.

Седой не намекал, он говорил открыто и не сомневался, что сейчас она его прекрасно поняла.

Даша взяла чашку и сделала глоток. Потом ещё один. Не выдержала вновь затягивающегося молчания, потянула на себя лист и снова записала. На этот раз она писала торопливо, выдавая волнение.

Григорий тоже приступил к кофе. Напишет, отдаст ему. Проходила минута, потом ещё одна. Девушка всё строчила. Он решил дать возможность ей выговорится. Даже интересно, что она ему скажет.

Она всё писала.

Да что она там сочиняет? Поэму?

Поэтому, когда она, наконец, протянула ему почти полностью исписанный лист, Гриша взял его не без любопытства.

«Вы играете нечестно. Вы производите впечатление жесткого человека. Возможно, жестокого. Я понимаю, что нахожусь в полной зависимости от Вас, и меня это очень тревожит. Вы правы, я совершила опрометчивый поступок, когда сорвалась в неизвестность. У меня не было никакой цели. Я лишь хотела уехать. И да, Вы снова правы по поводу гостеприимства. Я бы очень не хотела, чтобы между мной и Вами возникли какие-то недоразумения. Повторюсь, я очень Вам благодарна за спасение. Если бы не Вы, я бы замерзла. И когда буря прекратится, и я окажусь вне Вашего дома, я найду способ Вас отблагодарить. Пока, правда, не знаю как. Но я что-нибудь придумаю. Григорий, и ещё. Прошу, давайте сразу расставим некоторые акценты. Я оказалась запертой в доме с двумя мужчинами. Меня это очень тревожит. Я не знаю ничего про Вас и Вашего подчиненного. Вы меня пугаете. Смущаете. Я хотела бы как-то обговорить этот момент. Такое возможно?»

Первое, что бросилось в глаза Гриши – речь Даши. Красивая. Без урывков. Учитывая, что она писала, а не говорила. Зимин ценил людей, умеющих грамотно излагать свои мысли.

Второе – девочка удивительным образом правильно расставляла акценты. Поддевала его и тотчас умасливала.

В паху снова потяжелело.

Кажется, Седой, тебя ждет чертовски приятное времяпровождение.

– Антон тебя не тронет. Можешь по этому поводу не переживать.

Снегурка втянула нижнюю губу в себя. Волновалась?

Лучше бы она не делала никаких манипуляций с губами, не привлекала внимание.

«А вы?»

– Посмотрю.

Быстро что-то застрочила.

«Вы шутите?»

Она пододвинула лист, чтобы он сразу же увидел её вопрос.

Гриша, достав свой телефон, набрал:

«Я похож на шутника?»

Она в ответ:

«Я не дамся».

– В смысле?

«В прямом. Буду сопротивляться».

А вот это что-то новенькое.

– И сильно будешь?

Снегурка краснела всё сильнее, её дыхание сбивалось.

И всё бы ничего, Гриша подумал бы, что она набивает себе цену, если бы не увидел, как дрожат у неё пальцы. Она писала, а тремор рук всё усиливался. Дрожь передавалась от пальцев выше, да и каллиграфический почерк портился на глазах.

«Что мне сделать, чтобы, посмотрев, Вы приняли отрицательное решение?»

Он взял уже полностью исписанный листок и задумчиво повертел его в руках.

Сопротивляться она, значит, будет.

– От жениха убегала?

Снегурка быстро-быстро замотала головой.

– Тогда почему сопротивляться-то будешь? Даш, ты красивая. Приятная. Чего греха таить, тело у тебя роскошное, видел, когда переодевал. Ты меня возбуждаешь, даже сейчас, при мысли, что буду тебя иметь, у меня встает, – по мере того, как он говорил, девушка краснела всё сильнее, а в глазах бушевала настоящая стихия. – Не вижу причин, чтобы не доставить друг другу удовольствие. Даша, я тебя не обижу.

Он не преувеличивал. Говорил, как есть.

– Если у тебя есть проблемы – решу.

Даша растерянно моргнула, потом ещё раз. Затем оттолкнулась ладонями от ребра стола, вскочила на ноги и метнулась к кофемашине. Указательным пальцем показала на рожок, потом на самого Григория.

– Буду.

Да, одной дозой кофеина тут дело не обойдется.

Снегурка нервничала и не скрывала этого. И чем сильнее она нервничала, тем больше не нравилось её состояние Седому. Да, бл…ть! Что он такого предложил, что ей ещё не предлагали? В их обществе девочки становились взрослыми рано. Тем более, такие, как она. При виде неё у большинства представителей мужского пола возникали конкретные мысли. И Гриша не верил, что Снегурке не поступали предложения о покровительстве.

Не будь они заперты в доме, он увез бы её в город. Поухаживал бы. Рестораны, клубы, яхты. На пару дней слетали бы на море. Девочкам нравится красивая жизнь. И если девочка нравится ему – не вопрос.

Но они заперты в доме! Даже во двор не выйти. Тут он немного преувеличил. Выйти-то можно, а толку?

И чем покорять эту недотрогу?

Перевести на счет энную сумму денег? Опять же – как? К спутнику он пока принципиально подключаться не хотел.

Даша вернулась к столу, взяла его опустевшую чашку, сполоснула её и поставила под рожок. К нему снова встала спиной. Григорий легко понимал её мотивы – не хочет смотреть на него. Чертова зазноба! Значит, носик свой очаровательный воротит?

Или уже в мыслях прикидывает, на ком всё же сделать выбор – на том хозяине, от которого сбежала, или на нынешнем, от которого пока сбежать не удастся?

Григорий снова внимательно посмотрел на Снегурку.

Нет, девочка, ты ляжешь под меня. Никуда не денешься.

Слишком сладкой кажешься.

Хочется попробовать.

Вкусить.

И губки свои алые не кусай. Обветрены и так. Но ничего, он и такие поласкает. Алчно. Жадно. Покусает сам.

Хорошо, что Гриша сидел. Расхаживать с бугром в области ширинки ему по статусу не положено. Даже смешно становилось. Он изнывал от желания, а девочка не дает. Сдернуть ЕГО халат, посадить красивую на столешницу, ножки развести, опуститься на колени и…

Григорий опустил одну руку пол стол и аккуратно поправил стоящий колом член. Так дело не пойдет. Он ведет себя, как подросток с переизбытком гормонов, у

которого уже мозоли на ладонях. А объект вожделения живет в доме напротив и дразнит его, переодеваясь при не опущенных жалюзи.

Перед ним снова оказалась чашка с черным кофе.

Даша не присела напротив, она вернулась к столешнице, упираясь в неё поясницей.

– У нас даже вкусы с тобой идентичны. Привычки. Оба пьем много кофеина по утрам. Это знак, Даша.

Он хотел, чтобы она улыбнулась. Немного. Хотя бы уголками губ.

Ему не понравилось, что она выставляет перед ними препятствие.

– И да, барышня, если мне вздумается тебя оттрахать прямо на столешнице, ни стол, ни расстояние мне не послужит помехой. Поэтому садись за стол и пей кофе по-нормальному.

Снегурка поднесла к губам чашку. Глоток не сделала.

Посмотрела в сторону дивана, расположенного слева от стола и направилась к нему. Опустилась и аккуратно поджала ножки, не забыв поправить халат, прикрыть колени и икры.

Глава 4

Да что ж такое!

Его клинило на ней.

Бред.

Честно.

Он видит её второй раз. Хорошо, в третий, если взять встречу на дороге.

В третий, мать вашу! А единственное, о чем может думать, это о том, какая она красиво-порочная! Он ни хрена о ней не знает, ровным счетом ничего. Видит лишь тело, чувствует запах, и его штормит нереально. При этом сознательно думает о ней негативно, чтобы не замечать очевидного.

Того, что она не притворяется.

Остро воспринимает его пошлые предложения.

И глаза, как озера.

Зеленые, кстати, у неё глаза, поэтому с озерами сравнение не совсем уместное, но пусть.

Проблема не в ней.

В нем.

В его цинизме.

А не в этой девочке – Снегурке.

Кофе они допивали молча.

Первым допил Григорий. Поставил чашку, порывисто поднялся и направился в сторону Снегурки. Девушка мгновенно напряглась. Оно и понятно. Ох, не с того он начал.

– Допила?

Григорий протянул руку, забрал у неё чашку, поставил на стоящий рядом выдвижной столик и присел на корточки.

Руки расставил по обе стороны от ног Даши.

– Значит так, Снегурка. Вижу, что напугал тебя. Общение мы с тобой начали не с той ноты. От слова «совсем». Давай иначе, а то я скоро буду чувствовать себя каким-то моральным уродом. В доме красивая девушка, которая от меня шарахается. Никто тебя не тронет. Ни я, ни Антон. То, что было сказано выше, забудь.

Зеленые глаза распахнулись ещё шире. Казалось бы, куда… И он в них утонул. Нырнул добровольно и выплывать больше не желал. У Григория сбилось дыхание от близости Дарьи. Он не помнил, чтобы хотя бы раз когда-то на него так оглушающе действовала девушка. Даже подростком. У него, мать вашу, даже первой любви не было. Ни в школе, ни в университете. Ни в России, ни за бугром ни одна эталонная красавица не могла произвести на него настолько сильное впечатление, что он потерял бы сам себя. Нес ахинею, угрожал беззащитной девушке, которая по стечению обстоятельств оказалась в его власти.

Седой всё понимал! Не мальчик уже. Тридцать два года.

И всё же…

Ничего не мог с собой поделать.

Сейчас он пытался преодолеть внутренний барьер, что разделял его на несколько частей. Смягчить ситуацию, атмосферу. Противно было наблюдать, как девушка – та, что реально понравилась, зацепила! – шарахается от него. Рядом даже не садится, смотрит волчком. Хорошо, что хоть не разревелась.

Зато готова была схватиться за нож.

Смелая. С характером.

И одновременно чувствовалось, что она очень мягкая, покладистая. Не стерва.

Эй, Зимин, ты давай уже определись, кто перед тобой. Та, что готова «благодарить» или Снегурка, попавшая в тяжелую жизненную ситуацию.

Даша выслушала его, подняла руку и указала на телефон, что он по инерции сунул в карман домашних штанов.

Григорий достал его, разблокировал и протянул Снегурке. Она постаралась взять таким образом, чтобы их пальцы не соприкоснулись. Вот же засранка! Интересно, она специально его динамит или у неё интуитивно получается?

Не дети же.

«Вы, правда, меня пугаете».

– Больше не буду. В моем доме ты в безопасности. Не захочешь – никто тебя не тронет. Как только прекратится метель, и появится возможность выехать, я доставлю тебя в город или к дому. Куда скажешь. Всё, Снегурка, прекращай дрожать.

«Снегурка?»

– Да. Когда вытащил тебя из машины, ты на неё очень походила.

Осталось узнать, от кого же ты бежала, красивая. Седой обязательно узнает. Если не от неё, то его люди предоставят полный отчет.

Но хотелось от неё.

Чтобы рассказала всё сама.

– Ты сказала, что у тебя болит горло. Как понимаю, такое у тебя уже было. Скажи, сколько дней не сможешь разговаривать?

Даша писать не стала, подняла руку и показала три пальца, следом сразу же четыре.

В принципе, не долго. Терпимо. Его предпочтения менялись поразительно быстро. Такого за собой ранее Седой не замечал.

Он не спешил вставать. Вроде бы Снегурка немного оттаяла. По крайней мере, не шарахалась. Может, в душе и зажалась, но виду не показала.

Стоило отдать должное её выдержке. Если разобраться, она держалась молодцом. Другая бы заистерила посерьезнее.

Он тоже прессанул её знатно. Больше не будет.

Наверное.

Его взгляд снова опустился сначала на тонкую шею, потом ниже, туда, где сводились полы халата. Нереально находиться рядом со Снегуркой и не думать о сексе.

Что с ней не так?

Что с ним не так?

Даша подняла руку и дотронулась до халата в области плеча. Чуть потянула ткань вперед.

– Тебе нужна одежда. Да, я помню. Сейчас выдам футболки и рубашки.

Брови девушки поползли кверху.

– Твои принесем.

Надо выпрямляться, вставать. Выйти в гараж и взять одежду Снегурки.

Оторвать, черт побери, себя от неё.

А не сидеть в её ногах.

Григорий мысленно нелицеприятно выругался и всё же поднялся.

– Спасибо за завтрак. И за кофе. Вещи принесу. Правда, не уверен, что они будут чистыми. В доме есть прачечная, в подвале. Сможешь постирать. Сушилка тоже есть.

Даша едва заметно улыбнулась, благодаря.

Григорий снова выругался и поспешил покинуть кухню. Сбежал от греха подальше, иначе и не скажешь.

?

Мужчина ушел.

Можно выдохнуть?

Или рано?

Даша прикрыла глаза и откинулась на сидушку дивана.

Если сказать, что она влипла, то ничего не сказать.

Нарочно не придумаешь.

И даже крыть нечем. Противостоять. Из этого чужого дома уже не выскочишь, как от Дмитриевых.

Пыталась уже…

Темень. Пурга. И полуобнаженные качки у двери.

Даша вспомнила, как натолкнулась вчера на Антона и распахнула глаза.

Нет, началось всё с пробуждения. Или, наоборот, с засыпания? Когда уже сил молиться и надеяться не осталось, и Даша прикрыла глаза, смирившись с участью.

Север не прощает глупость – прописная истина. На что она надеялась, срываясь в неизвестность? Непонятно.

Сначала вроде бы всё начиналось неплохо. Она выехала. За ней никто не погнался, хотя и такие мысли метались в её возбужденной нервным срывом голове. Лишь бы уехать… Лишь бы отпустили… На душе было столь мерзко, что хоть вой. Как Даша ни старалась взять себя в руки, получалось очень плохо. Плюс она расхлюпалась. Вела машину и плакала. Понимала, что слезы за рулем – прямая дорога в кювет. Всё же тогда ей удалось справиться с накатившим отчаянием, и то лишь тогда, когда Даша поняла, что за ней никто не кинется.

«Сама вернешься, идиотка. На коленях приползешь…»

Господи…

Даже вспоминать противно.

Она предполагала, что добром поездка не закончится, что есть подвох, но не ожидала, что настолько всё будет мерзко.

Отъезд был единственным выходом.

Даша не подумала о последствиях. Действовала импульсивно.

За то едва и не поплатилась.

Хотя про «едва» она пока погорячилась.

Даша обвела взглядом шикарную большую кухню-гостиную. Или всё же просто кухню? Подобные она видела в кино и в журналах. Даже у Дмитриевых гостиная, которая её восхитила в первые минуты, была проще.

Дом мужчины с седыми волосами, что представился Григорием, ей нравился. Если откинуть прочь предвзятость в отношении его жителей, Даше даже удалось бы здесь отдохнуть. Если на секунду позволить себе небольшую вольность и представить, что тебя пригласили погостить.

Но её не приглашали, и нечего мечтать.

Ей надо понимать, что следующие несколько дней будут очень тяжелыми. Ей необходимо приспособиться.

Да ещё и горло. Как не вовремя! И лечить нечем. Надо посмотреть в холодильнике имеется ли мёд. Хотя бы им смягчить связки.

В детстве Даша часто болела ларингитом, один раз едва не задохнулась во сне, родители не уследили. Спас кот. Залез в кровать Даши, тем самым разбудив девочку. Та в слезы, и уже тогда родители спохватились.

Со связками у Даши всегда была беда. Чуть что – воспалялось горло. Врачи советовали не простужаться. Но как сохранить здоровье, если проживаешь в северных широтах? Уследить невозможно.

Даша, когда ещё сидела в машине и искренне верила в чудо, что её спасут, поджимала пальчики на ногах, и знала, что последствия непременно будут. Она даже была согласна на то, чтобы её спас Дмитриев. Пусть… Узнает про неё новое, например, что говорить не сможет несколько дней. Даша даже злорадствовала немного. Хотя… Если отвлечься от переживаний в машине и вспомнить слова нынешнего хозяина дома про то, что женщине порой полезно помолчать, ещё непонятно, продолжила бы она злорадствовать, вернись в дом Дмитриева.

Даша поднесла руку к горлу. Глотать было не больно, скорее, неприятно.

Опять же больное горло – ерунда, если сравнивать с масштабом катастрофы, в которой она оказалась.

Домой не вернуться. Можно, конечно, только смысл?

Снова всё начнется заново. Не Дмитриев, так другой.

Даша встала с дивана, подошла к посудомоечной машине и загрузила в неё посуду.

Ей пообещали, что не тронут.

Можно ли верить седовласому? Молодой, вроде бы, на вид тридцать два-тридцать четыре года, а волосы посеребрены уже.

Зато какой сильный!

И это могло стать реальной проблемой.

Кровь прильнула к щекам Даши. Ей навсегда в память врежется картина – ритмично отжимающийся Григорий. Вытянутый по уровню пола, идеально прямая спина, угол локтей, работающие мышцы плеч. Хорошо, что на нем была футболка, иначе Даша ещё больше испугалась бы. А так невольно на несколько секунд зависла над красотой его плеч.

Наваждение очень быстро прошло. Мужчина. Незнакомый. В чужом доме. А она нема! Ни спросить. Ни сказать. Да и слов подобрать правильных она бы не смогла, настолько оказалась растерянной. Проснуться, открыть глаза – и сразу в холодный океан! Никак иначе. Даша шокировано оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, где она.

Дом Дмитриева? Нет, не похож. У тех обычный каменный дом, здесь же из качественного оцилидрованного бревна. Этакий красавчик, сошедший с журнала элитного жилья. Большой дом с панорамными окнами, затерянный среди леса, несущий уют, запах крепкого кофе и чего-то безумно домашнего. Когда смотришь на картинку, на фото и проваливаешься в неё. И мечтаешь иметь такой же дом в лесу или на берегу озера, с верандой, выложенной террасовой доской, с креслом-качалкой и теплым пледом. С осознанием, что в доме уже разведен огонь в камине и кто-то готовит вкуснейший глинтвейн.

Подобная мечта для Даши была за гранью. Девушка предпочитала реально смотреть на жизнь.

Но проснувшись в большой комнате и увидев стену из бревна, а потом и окно с затемненными стеклами, Дашу пробрало. Основательно так. На смену нечаянной радости, что она жива и даже не пострадала сильно физически, конечности не обморожены, чувствительность сохранилась, настал черед шока и испуга.

Где она?

Вопрос как нельзя актуальный.

Плюс Даша оказалась раздетой, в одном нижнем белье.

Она всё же осмотрела себя. Встала, ощупала. Кроме саднящих ощущений в горле ничего не беспокоило. Значит, спасли вовремя.

Но кто?..

Даша огляделась. Своих вещей она не наблюдала. Закуталась в плед и осторожно вышла из комнаты. Пол был теплым, наверное, в доме установлена система «теплого пола». Босым стопам комфортно ступать. Даша шла на цыпочках. Интуитивно она не хотела привлекать к себе внимания. Почему? Даже сама не знала. Просто не хотела производить шума.

Пройдя по коридору, Даша услышала сбивчивое дыхание. Единственный звук во всем доме.

Потом она увидела мужчину неопределенного возраста.

А потом случился её позорный побег.

Её несли инстинкты. Одна в доме с мужчиной.

Как выяснилось позже – с двумя.

А это уже посерьезнее! Нет! Это хуже! В стократ! В голове сразу же вспыхнули картины принуждения, насилия. Даша ничего не могла с собой поделать. Когда на неё начал надвигаться взрослый мужчина с обнаженный торсом, весящий под сто килограмм, её колени дрогнули.

Она даже кричать не могла!

Дальше – хуже.

Седовласый мужчина оказался вполне молодым. Опять же, молодой – понятие растяжимое. Многим её ровесницам он бы показался старым, второй половине – самым подходящим.

Даша же предпочла бы держаться от него подальше.

Ей быстро разъяснили положение вещей.

Без лишних слов.

Дважды два сложить оказалось просто.

С ней суетиться и возиться никто не собирался. Напротив, пошли предложения определенного характера. Даша старалась не думать о плохом. Григорий оказался здесь главным. Кто Антон? Водитель? Телохранитель? Да какая, впрочем, разница. Понятно, что он будет на стороне работодателя.

Даша вроде бы никому и не собиралась противостоять. Пока готовила и варила кофе, решила держаться от мужчин подальше. Может, ей позволят стать невидимой? Она будет готовить, сидеть в комнате, пока непонятно чем заниматься, её никто не будет трогать. Такой бартер её идеально устроил бы.

А вот устроит ли он хозяина дома – другой вопрос.

Григорий производил на неё странное впечатление. Пугал – безусловно. Но тут её напугал бы любой мужчина в принципе. Пару раз ей казалось, что он делает это специально, испытывает её на прочность. Если бы Даша могла говорить… Что, собственно, она сказала бы? Чтобы он не смел на неё смотреть так, словно уже раздевает? Чтобы не смел делать провокационных предложений и считать, что она мгновенно согласится!

Её бросало то в холод, то в жар. Как удавалось сохранить видимость спокойствия, непонятно. Даша нисколько не сомневалась в правдивости слов Григория. Захочет – возьмет. Ничто его не остановит.

Самое печальное и страшное, Дарья ему верила.

У него глаза такие говорящие. Пусть Даша и старалась на него смотреть лишь по необходимости. Не могла иначе. Стоило взглянуть, и внутри всё стягивало узлом. Начинало даже потряхивать от напряжения и ещё чего-то необъяснимого.

Красивый мужчина, чего уж тут греха таить. Не модельной слащавой внешности, а именно суровый. Если бы Даша увидела Григория при других обстоятельствах, возможно, он ей и понравился бы.

Кровь прильнула к щекам, теплая волна окатила тело.

Давай, давай, дурында, ещё растекись лужицей вокруг этого товарища, дай ему то, на что он непрозрачно намекает, вернее, о чем говорит открыто, и всё будет просто замечательно. Поиграет он с тобой несколько дней, пока идет метель, дальше в лучшем случае даст денег и позабудет, как тебя звали. А ты останешься с разбитым сердцем.

Потому что давно решила, что секс только по любви.

Глупая. И очень наивная.

Но какая уж есть.

Даша оглядела кухню.

И что дальше?

Не сидеть же ей здесь вечность.

Григорий обещал вернуть ей вещи. Неплохо было бы. Потому что халат халатом, но в нем она себя не чувствовала в безопасности.

Мужчина материализовался из ниоткуда. Ушёл в одну дверь, вернулся в другую.

– Держи.

Даша, услышав хрипловатый голос, доносившийся с правой стороны, вздрогнула и резко обернулась. Да что такое!.. Разве можно передвигаться столь бесшумно!

Вернулся Григорий. В руках у него были её лосины, кофта и даже носочки.

Даша снова покраснела.

Мужчина подошёл к ней ближе, чем требовалось. Вот зачем, спрашивается? Даша ценила личное пространство и ужасно сердилась, когда кто-то пытался его нарушить. Этот же сознательно её провоцировал. Давил? Всё может быть.

– Одежда испачкана. Я с ней не церемонился. Машинка есть в прачечной. Пойдем, выдам тебе футболку, а уже потом провожу в прачечную.

Первым порывом Даши было отказаться. Чем меньше она будет общаться с хозяином дома, тем лучше! Ей не нравилась его давящая аура. Он словно забирал пространство на себя, ничего не оставляя ей.

И между тем, если она продолжит вести себя как трусиха, может вызвать агрессию у мужчины. Что намного хуже.

Поэтому Даша кивнула.

Как же не вовремя она онемела! Сейчас бы имела возможность защищаться. Объяснить, что и как. Попросить её не трогать.

Он вроде бы и обещал защиту.

Только…

Сомнительно всё это.

Вон как снова смотрит.

Словно голодный и собирается на неё наброситься.

– И долго будет стоять? Нет, я, конечно, не против…

Григорий саркастически усмехнулся, а по спине Даши сразу же побежали мурашки.

Надо срочно от него убегать!

Даша выдавила из себя улыбку.

Она будет играть в послушную девочку. Чем меньше споришь с мужчиной, тем он покладистее. Так говорила её мама.

Мама… Мамочка, как же мне тебя не хватает… Родная…

Даша жестом указала на дверь, протянула руку и быстро забрала свои вещи. Длинный кардиган, её любимый, был безнадежно испорчен. Его, видимо, швырнули прямо на пол. Обидно.

– Я же говорю. Не церемонился. Важнее было убедиться, что ты не превратилась в ледышку и ещё дышишь.

Услышав последние слова, Даша почувствовала легкие угрызения совести. Человек спас её. Не фигурально, а реально. Если бы машина Григория проехала мимо, и мужчины сочли бы, что не стоит ввязываться в сомнительную авантюру, она умерла бы от переохлаждения. Уснула и не проснулась.

Какая вероятность в наше время встретить людей, способных оказать помощь незнакомому человеку? Ещё в сумерках и на трассе. Минимальная.

Даша снова кивнула и прижала к груди одежду. Один носок выпал из рук, и Даша поспешила нагнуться, чтобы его поднять.

Те же действия намеревался проделать и хозяин дома.

Столкновения лбами было неизбежно.

Даша охнула, пошатнулась и впечаталась ягодицами в кухонный шкафчик. Григорий матюкнулся.

– Вот же… Не больно? Черт, дай посмотрю.

Даша хотела крикнуть «не надо», но с губ сорвался лишь глухой звук. Между тем этот амбалище уже почти вплотную подошёл к ней и отодвигал челку со лба. Его рука скользнула по коже. Даша замерла.

Прикосновение мужчины не были противными, он трогал её аккуратно, даже ласково.

Но всё же трогал.

Ей не то, чтобы было противно. Немного не по себе. От того, как взрослый столь бесцеремонно нарушал её личностное пространство.

Даша позволила исследовать свой лоб, он немного побаливал. Столкнулись они не до искр из глаз, но основательно.

Ещё она поймала себя на совершенно странной мысли.

Что ей приятна забота.

Со стороны Григория.

– Не хило мы приложились, – отходить он не спешил, да и руку тоже не убрал. Немного сместил её ниже, дотронулся до волос. Заправил выбившуюся прядь за ухо.

Его движения были ненавязчивыми, но Даше всё равно было не по себе.

Они стояли очень близко. Она чувствовала парфюм мужчины. Терпкий, едва ощутимый. Приятный. Возможно, если бы они познакомились при других обстоятельствах, Даша реагировала бы на Григория иначе, мягче. Хотя… Кто знает.

Мужчина явно не из простых смертных. Властный взгляд, не менее властные разговоры. Тон, не терпящий возражения. Сам дом, в котором они находились, тоже говорил о больших деньгах. Чтобы его отстроить в глуши, вдали от цивилизации, требуются серьезные финансовые вложения. Один газ сюда провести чего стоит. Даша даже не представляла примерной суммы. Да и не хотела представлять.

Девушка осторожно подняла одну руку и уперлась ею в мужскую грудь. Надавила. Надо же сдвинуть Григория с места!

И уйти.

А вот фигушки такого сдвинешь! Под ладонью чувствовались каменные мышцы.

Даша, чтобы не утонуть в тактильных ощущениях показала головой в сторону двери.

Пусть он помёт… Пожалуйста…

Её сердце стучало с такой неимоверной оглушающей силой, что Даше казалось, его стук слышит и Григорий. При этом мужчина снова изменился в лице. Забота, с которой он смотрел на неё несколько минут назад, сменилась непроницаемостью, которая не могла не настораживать.

Только не надо снова про «возьму» и прочее! Она пять минут назад немного успокоилась!

Григорий сделал шаг назад, столь необходимую ей свободу.

– Да, Даша, тебе лучше сейчас уйти.

Даша уже хотела сорваться, но вспомнила о немаловажном и пальчиком указала на плечо мужчины.

Хозяин дома нахмурился.

– Не понимаю, о чем ты.

Тогда Даша, чувствуя себя невероятно смелой, при этом не замечая, как слабеют ноги, как учащается дыхание, словно она собирается совершить самое настоящее преступление, взялась за ткань футболки и немного потянула её на себя.

Несмотря на то, что Григорий немного отошёл, они продолжали стоять достаточно близко. Даша не могла не заметить, как он напрягся. Она – следом. Злить незнакомого мужчину, от которого сейчас полностью зависишь, не лучшая позиция.

Поэтому Даша ничего лучше не смогла придумать, как сбежать.

Глава 5

Зараза!

Мелкая и ретивая!

Какого черта…

Григорий прошёл в спальню, распахнул бельевой шкаф, обвел взглядом содержимое.

Ни хрена ей ничего не даст! Будет голой ходить.

Зачем только носки отдал? Босой бы ходила, сверкала голыми пятками, а он кайфовал бы от её пальчиков.

Точно зараза!

Гриша не помнил, когда последний раз так ярился на девочку. Бывало, специально его провоцировали, чтобы он накосячил, потом извинялся, одаривая подарками или выдавая кредитки. Это он понимал и принимал. Такие правила игры между взрослым мужчиной и красивой женщиной.

Но эта…

Прибить хотелось.

Вот честно.

Прибить, оживить, зацеловать и… ещё что-нибудь под конец с ней сделать. Пока не решил, что именно.

Неожиданно Зимин поймал себя на том, что улыбается. Во все тридцать два. Грудь переполняли совершенно новые эмоции.

Он протянул руку и достал несколько новых рубашек с короткими рукавами, а так же пресловутые футболки. Была мысль пошутить и достать запакованные плавки, потом передумал. Снегурка швырнет их в него.

Воображение заработало на полную мощь, и Гриша, как наяву увидел Дашеньку в его труселях. Веселье заклокотало в груди, и он рассмеялся, не в силах удержаться. Забавное было бы зрелище. Конечно, перебор, и всё же.

А ещё, просмеявшись, он поймал себя на мысли, что ему понравилось называть её Дашенькой. Ей подходило.

Он сожалел, что нет возможности узнать про неё больше. С другой стороны, даже интересно. Гриша привык проверять каждую, кого собрался поиметь. Если же подпускал девушку чуть ближе, копали ещё тщательнее. Подставы имели место быть. Научен, проходил. На что девочки рассчитывали, непонятно. Куда смотрели те, кто пытался его «приручить» – тем более. С ними разговор был жестче.

Мало того, что про Дашу не было никакой информации, кроме возраста, фамилии и прописки, так она и на его вопросы ответить полностью не могла. При диалоге человека многое может выдать. Общаясь на высшем уровне, среди тех, кто улыбался в лицо, а за спиной строил многоходовки, рано учишься распознавать ложь. Жесты, мимика, тон.

За Дашей он пока ничего не замечал.

Испуг, настороженность. Легкую заинтересованность. Но не как к мужчине, скорее, как к хозяину дома. Она тоже аккуратно прощупывала ситуацию.

Зимин собрал вещи и вышел из комнаты.

На этот раз стучать он не стал.

Принципиально. Пусть Снегурка привыкает к его присутствию. К тому, что он будет рядом.

?

Даша запустила стирку. С сушилкой она ни разу дел не имела, ничего, разберется. Всё по одному принципу.

Она с удовольствием осталась бы в прачечной. Посидела бы тут, поскучала. Подумала бы о ни о чем. Но сидеть тут сорок минут и ждать, когда завершится «быстрая» стирка – глупо.

Глупой Даша и без сидения в прачечной, наверное, выглядела. Чего стояли её постоянные побеги от Григория!

А нечего пугать!

Девушка пыталась разозлиться, пыталась вывести себя на негативные эмоции, чтобы в ней проснулся инстинкт самосохранения, но выходило откровенно плохо. Вчерашнее неразборчивое состояние вполне понятно, а вот что с ней происходило сегодня?

Хозяин дома. Во всем виноват он.

Вроде бы говорил ужасные, шокирующие вещи, при этом не проявляя в отношении неё видимой мягкость, с другой, она не чувствовала от него угрозы. Странное дело.

«В моем доме ты в безопасности. Не захочешь – никто тебя не тронет…»

Эти слова запали в сердце.

Как же она хотела чувствовать себя защищенной! Кто бы только знал! Знать, что тебя никто не тронет. Что тебя не будут стараться подкладывать под незнакомца. Продать подороже.

Дашу передернуло от омерзения.

Татьяна сошла с ума, если думала, что она согласится. Что бы та ни говорила, какие бы доводы ни приводила.

Долги Татьяны – не её долги. Пусть разбирается сама.

Единственное, на что могла надавать эта стерва – на дом отца. По закону всё имущество наследовала жена, то есть Таня.

Мачеха… Даше же ничего не осталось. Только машина, которая продолжала стоять, погребенная под сугробами. С ней Даша тоже могла попрощаться. Если даже предположить, что ей удастся каким-то образом найти машину, эвакуация влетит в круглую сумму.

Денег у Даши почти не осталось. Курсы она оплатила на три месяца вперед, рассчитывая уже через месяц выйти на работу.

Господи…

Даша провела рукой по волосам. Ей и девятнадцати нет! Все её ровесницы, бывшие одноклассницы весело проводят время, учась в институтах и тусуясь в молодежной среде. Даша же кое-как сдала ЕГЭ. И не потому, что она глупая или плохо училась.

Училась-то она как раз хорошо. Просто кому-то выгодно было, чтобы Даша не смогла набрать высокие баллы и поступить в хорошие институты.

«Дашуль, посмотри на себя… Какие институты! Ты о чем?! На что я тебя буду учить? Стой! Ты что реально надеялась, что я тебя буду учить? – ироничный смех резанул по нервам. – Ой, не смеши меня… Дура! С твоей фигурой и мордашкой о «папике» надо думать! Будешь, как сыр в масле кататься, и мне не надо будет голову ломать, на что жить…»

Дашу снова передернуло, и она обхватила плечи руками. Надо было ещё тогда уходить из дома. Собрать вещи и уехать. Но Таня, когда ей надо, умела давить на жалость.

«Ты не дура, ты идиотка! Какое на хер образование? Дмитриев слюни пускает, глядя на тебя! Какие на хер курсы? Ты куда собираешься?! Никуда ты не поедешь! А знаешь что… Хочешь правду, милая ты моя падчерица? – последнее слово не сказала, выплюнула. – Мне пришлось трахнуть твоего директора, чтобы он завалил твои результаты, и ты не набрала баллов. Чего глазами хлопаешь? Я последние годы столько в тебя вбухала! Косметика, шмотки! Просто так что ли? Отрабатывать будешь! Поняла?»

Даша мотнула головой, точно снова стояла перед Таней и смотрела на её искаженное от ярости лицо.

Нет, вспоминать мачеху нельзя. Иначе не разозлится, а расклеится, а ей нужны силы.

Посторонний звук заставил Дашу напрячься.

Кто-то спускался в прачечную.

Даша подобралась и постаралась убрать с лица весь негатив. Глаза неприятно защипало от обиды. Когда узнаешь о предательстве, пусть и не близкого человека, всё равно сложно оставаться равнодушной, несмотря ни на что.

У многих получалось. У неё, к сожалению, нет.

Даша ожидала увидеть Григория. Она даже не знала, почему.

И немного удивилась, когда увидела спускающегося Антона. Сразу же вспомнила, что одета по-прежнему в халат. Другой одежды ей так и не выдали. Снова просить о ней Григория она не будет. Сколько можно? Будет ходить в своей. Стирать на ночь, сушить и переодеваться. Другого варианта у неё не оставалось.

В груди неприятно полоснула мысль, что Григорий, видимо, относился к числу тех, кто не бросает слова на ветер. Может, конечно, и передумал. Возиться с незнакомой девушкой – то ещё удовольствие.

– Ты здесь? – Антон сделал вид, что удивлен.

Даша решила подыграть и пожала плечами. Несмотря на видимое радушие, Антон у неё вызывал ещё большую настороженность, чем сам хозяин дома. С чем были связаны подобные ассоциации, Даша объяснить не могла. Чувствовала.

Мужчина спустился по лестнице и остановился неподалеку.

– Стираешь?

Он спрашивал очевидное.

Зачем?

Даша медленно кивнула. Ни карандаша, ни листа бумаги с собой не имелось.

Парень засунул большие пальцы рук в задние карманы джинсов. Девушка выжидающе на него посмотрела. Мол, зачем пришёл? Почему возникло ощущение, что его появление в прачечной неслучайно?

Даша мысленно застонала. Нет-нет, пожалуйста, пусть этот мужчина не сочтет необходимым оказывать ей знаки внимания. Отбиваться от двух она не сможет.

В голове промелькнула ещё более страшная мысль: а если эти двое любят делить партнерш? Напьются, не дай Бог, не посмотрят на её сопротивление. Такое тоже может быть. Времена всякие. Григорий не похож на человека, который спокойно примет отказ.

И этот… Зачем пошёл за ней?

Господи, когда же закончится метель?

Да и потом куда?

В дом, который не её? Таня не простит, что она уехала от Дмитриева, нарушив её планы и разбив мечты о сытой жизни. Выгонит. Как пить дать. А Даше нечем ей противостоять. Отец оставил всё Татьяне, её даже в завещание не упомянув. Даша до сих пор не могла понять, почему. Пусть у неё с отцом никогда не было теплых отношений, они часто ссорились в последние годы, особенно после смерти мамы и появления Татьяны, но она его дочь! Он мог ей хоть что-то оставить. Даже счета и те – Татьяне.

Даша оборвала себя. Проблемы она будет решать по мере поступления. Сейчас у неё другие заботы. На несколько дней она заперта в доме с двумя незнакомцами, у которых резко обострился «самцовый» инстинкт. Они задались целью затащить её в постель? Но если бы они хотели весело провести время с дамами, зачем бы вдвоем приезжать в глушь?

В прачечной находилось три стиральных машинки. Наверное, с расчетом на обслуживание большого количества гостей. Даша, стараясь не обращать внимание на мужской взгляд, указала на свободную.

– Нет, я стирать не собираюсь, – оказывается, Антон отлично её понял.

Тогда Даша пожала плечами, мысленно перекрестилась и направилась в сторону лестницы. На её пути стоял Антон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kistyaeva_marina/doch-generala-kniga_1

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить